

ВОЛЬНЫЙ ЛЕЖАРЬ

— СТУДЕНТ —

СЕРГЕЙ КАРЕЛИН

ЕГОР ЗОЛОТАРЕВ

Вольный лекарь

Сергей Карелин

Вольный лекарь. Студент. Том 7

«Автор»

«Автор»

2026

Карелин С. В.

Вольный лекарь. Студент. Том 7 / С. В. Карелин — «Автор»,
«Автор», 2026 — (Вольный лекарь)

Ну вот, наконец, я в Москве! Но, как оказалось, меня здесь совсем не ждут. Придется доказывать свое право учиться в медицинской академии и пользоваться способностями, дарованными свыше.

© Карелин С. В., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15

Егор Золотарев, Сергей Карелин

Вольный лекарь. Студент. Том 7

Глава 1

Рачков смотрел вслед убегающему архимонаху и не мог взять в толк, что же произошло за то время, пока его не было в городе. Он отсутствовал чуть больше недели, но казалось, будто его не было несколько лет. Пожав плечами, он вышел из кабинета и двинулся по гравийной дорожке в сторону ворот. Не успел он дойти до аллеи, как увидел, что навстречу ему во весь опор скачет охрана. Первым желанием было развернуться и бежать прочь, но он быстро понял, что от всадников нет смысла даже пытаться сбежать — его быстро догонят, поэтому просто остался стоять.

— Рачков, руки вверх! — прокричал один из охранников, вытаскивая на скаку револьвер из кобуры.

Родион Петрович поднял руки, чувствуя, как от напряжения и страха они немеют вместе с ногами. Единственным желанием было прокричать во все горло: «Что здесь происходит, черт побери?!»

Когда охранники добрались до наемника, они спрыгнули с лошадей и окружили его с оружием в руках.

— Господа, может, вы хотя бы мне объясните, что происходит? — спросил Рачков.

Он старался сохранять спокойствие, но его голос предательски дрожал.

— Закрой рот, — тот самый главный охранник, что подходил к нему у ворот, решительно двинулся вперед и протянул руку.

Рачков зажмурился, ожидая удара, но тот лишь схватился за накладной ус и резко дернул его на себя, сорвав с лица.

— Рачков, ты задержан, — сказал охранник, брезгливо бросил ус под ноги и кивнул своим людям. Двое подскочили к наемнику и скрутили ему руки.

— За что? В чем моя вина? Что такого я сделал? — запищал Родион Петрович, до сих пор не понимая, что творится, и пытаясь хоть что-то выяснить.

— Во-первых, ты проник на охраняемую территорию, выдавая себя за другого. Во-вторых, ты покушался на жизнь архимонаха Прокопия Рязанова, — холодно ответил главный охранник.

— ЧТО?! Вы в своем уме?! — у Рачкова глаза на лоб полезли, а от возмущения дыхание сперло.

— Вот сейчас и посмотрим, кто в своем уме, а кто нет, — зло усмехнулся громила и велел: — Отведите его в подвал! Позже поговорим.

— Нет! Я здесь ни при чем! — ошеломленный Рачков попытался вырваться, но его держали крепко. — Я не хотел ничего...

— Скажи своему уссу, что ты ни при чем, — усмехнулся главный охранник, взобрался на свою лошадь и неторопливо поехал в сторону ворот, а упирающегося Рачкова повели к резиденции, где в подвале не раз происходили самые темные дела ордена.

Я проснулся рано утром от яркого луча, пробивающегося в щель между плотными шторами моей новой комнаты. Первым делом я осмотрелся, будто не веря, что оказался в этом чудесном месте и в компании этих прекрасных людей, которые приняли меня как родного.

Комната была большая и светлая. Кроме кровати здесь имелся массивный письменный стол, стеллаж с книгами и письменными принадлежностями, платяной шкаф и большое овальное зеркало на стене в вычурной раме из красного дерева.

Тут с улицы донесся разговор. Я вылез из-под одеяла, подошел к окну и отдернул штору. К моему удивлению, Вера и Анатолий Ренатович уже ходили по саду с лейками и поливали клумбы и ягодные кусты.

Наскоро одевшись, умылся и присоединился к ним.

— Степа, ты чего вскочил в такую рань? Поспал бы еще, — Вера удивленно воззрилась на меня, обернувшись на шаги.

— Доброе утро, — улыбнулся я и забрал лейку из ее рук. — Уже выспался. Даже не припомню, когда в последний раз так хорошо спал.

— Это все здешний воздух, — лекарь подошел ко мне и пожал руку. — Мне здесь тоже лучше спится, чем в городе.

— Да в перине дело, — вставила Вера. Она склонилась над клумбой и безжалостно выди-рала сорняки. — Я ведь новый пух набила. Будто в облаке лежишь.

Я не стал никого переубеждать, хотя считал по-другому. Мне в первый раз за долгое время удалось расслабиться и не опасаться ничего. Я будто блудный сын, который вернулся после долгих изнурительных странствий в родной дом, где с ним ничего плохого не случится.

Полив сад и огород, мы вместе вернулись в дом. Пока мы с Анатолием Ренатовичем обсуждали в библиотеке остеологию, Вера готовила завтрак.

— Кость — она, понимаешь, живая, — говорил лекарь, раскрывая справочник. — И живая она, пока жив человек. И ломается, кстати, не всегда одинаково. Почти всегда можно понять, каким был удар. Если края кости ровные — значит, удар был резким. Если кость раз-дробило — значит, придавили с силой. А по черепу еще точно можно сказать, чем били: обу-хом топора, молотком, дубиной, или человек сам с высоты собственного роста упал, — тут он раскрыл учебник на нужной странице, где крупным планом был изображен череп, и принялся водить пальцем по странице. — Вот эти линии на черепе называются швы. У младенца они широкие, мягкие, а у взрослого срастаются и твердеют. У стариков же вообще становятся еле видимы. Часто именно по швам можно определить возраст, если других примет нет.

— Никогда об этом не слышал, — признался я, вглядываясь в изображение.

— О-о-о, ты многого еще не знаешь. Медицина — самая интересная область, по моему мнению. Здесь никогда не бывает остановки в развитии. Каждый год делаются все более неве-роятные открытия, — лекарь перелистал страницы назад и открыл изображение скелета. — Кости и их правильное положение имеют огромное значение для всего организма. Скелет — как фундамент дома. Если его перекосит, то на всем доме скажется. Бывает такое сильное искривление позвоночника, что даже внутренние органы начинают хуже работать. А в особо сложных случаях и вовсе могут отказать. Оттого и советую всем беречь спину смолоду.

— Завтрак готов! — донесся с первого этажа голос Веры.

— Поедим и поедем в академию. Заодно и разузнаем все, — Анатолий Ренатович захлоп-нул книгу, оставил ее на столе и двинулся к двери.

Я последовал за ним. В груди появилось какое-то новое неизведанное чувство радости и предвкушения. Тревога и волнение ушли, возникло четкое ощущение, что мне все по плечу. Это снова моя интуиция. А ей я привык доверять.

Завтрак состоял из отварного мяса, жареных яиц и бутербродов с нежным молодым сыром, который с утра принесла на продажу соседка.

— Верочка, если меня кто-нибудь будет спрашивать, то мы в академии, — предупредил Анатолий Ренатович, когда Вера вышла нас провожать к калитке.

— Когда вернетесь? — она поправила мужу шелковый шейный платок.

— Пока не знаю, но задерживаться не будем. Степу оформим, разузнаем обо всем и вернемся.

— Купи что-нибудь Ярову. Не с пустыми же руками к нему идти. Ведь хотим за Степу попросить.

— А что купить ему, Верочка? — задумался лекарь.

— Хорошего вина. Или хороший письменный набор. Говорят, в «Золотое перо» завезли французские фарфоровые чернильницы.

— Понял, — пожилой лекарь наклонился и поцеловал жену в щеку.

Та смущенно отмахнулась, приобняла меня и встала у калитки, глядя нам вслед. Мы с Анатолием Ренатовичем бодро двинулись вниз по дороге.

— На чем будем добираться до Москвы? — спросил я.

— У нас в деревне трое занимаются извозом. Сначала к Сергею заглянем. У него карета хорошая, чаще всего к нему обращаюсь.

— Почему у вас нет своих лошадей?

— Раньше были, но теперь они ни к чему. Мы не так часто ездим, чтобы нарочно лошадей держать.

— Но вы же говорили, что работаете? Как же вы добираетесь до больницы? Или каждый раз извозчика нанимаете?

— С тех пор, как мы живем в Выселках, я здесь и работаю, — он махнул рукой в сторону соседней улицы. — Пешком минут десять ходьбы.

— Ясно, — я посмотрел в указанном направлении в надежде увидеть больницу, но между избами виднелись точно такие же избы.

Извозчик Сергей оказался дома и очень обрадовался возможности подзаработать. Лекарь был прав — экипаж оказался отменный: новая обшивка, мягкий, плавный ход. Я хотел сам расплатиться, ведь это ради меня мы ехали в Москву, но лекарь был непреклонен и сказал, что никогда не возьмет с меня ни копейки. Кстати, брать деньги за жилье и еду они с Верой тоже отказались, сказав, что относятся ко мне как к гостю, а с гостей деньги за простой и столование не берут.

Как только мы въехали, я не мог оторваться от созерцания этого прекрасного города с величественными зданиями, ухоженными аллеями и садами, ровными дорогами, стеклянными фонарями на кованых ножках и разношерстных прохожих.

Сначала по большей части по тротуарам спешили крестьяне, ремесленники и мастеровые в рубахах-косоворотках, штанах, заправленных в высокие сапоги, или в лаптях с онучами и в простых кафтанах. Затем начали попадаться молодые люди в одинаковых формах. Лекарь пояснил, что это студенты, которые на лето не уходят на каникулы, а устраиваются работать в своих учебных заведениях, коих в этом городе было множество.

Когда на улицах с двух сторон появились ряды лавок и трактиры, среди пестрой толпы с прислугами, дворниками, нищими и юродивыми я заметил неспешно прохаживающихся мужчин в длиннополых кафтанах и с окладистыми бородами. Некоторые продвигались за спинами бравых молодцев, которые расталкивали зазевавшихся. Это явно были купцы, коих видел я немало за свой долгий путь.

— Скоро будем на месте, — подмигнул мне лекарь. — Волнуешься?

— Нет, — честно ответил я, ведь чувствовал, что на этот раз все пройдет хорошо.

— Вот и правильно. Главное, чтобы мы успели до экзаменов, а то документы не примут и сразу отправят на следующий год.

— Что? — тут-то я напрягся.

— Да. К сожалению, ради опоздавших повторно не проводят экзамены. Если ты пропустил хоть один — сразу пролетаешь, — развел руками лекарь.

Руночерть задери эти бесконечные правила! Неужто я зря так торопился? Нет-нет, интуиция говорит, что все будет хорошо, а я склонен ей верить. Однако червь сомнения начал точить мою душу, и от уверенности не осталось и следа.

Чтобы отвлечь себя от тяжелых мыслей, я продолжил смотреть в окно. Извозчик замедлился, ведь здесь движение было куда плотнее, чем в пригороде. Мимо проплывали витрины, сверкающие стеклом и позолотой, шляпные и галантерейные лавки, модные магазины. То тут, то там слышались крики разносчиков газет. Из кондитерских тянуло сладким запахом ванили. Среди прохожих увидел дам в легких накидках, с перьями на шляпках и с ажурными зонтиками в руках, щеголей во фраках, с цилиндрами и тростями, а также служителей «Лика Истинного», которые ходили по несколько человек и выглядели очень важно, будто имели большой вес в этом обществе. Возможно, так оно и было.

— Вон она! — воскликнул лекарь и указал пальцем во второе окно. — Императорская медицинская академия.

Я повернул голову в указанном направлении и увидел массивное величественное здание: строгие, симметричные линии, портики с колоннами, широкое крыльцо и высокие двери. Проходя мимо, я бы ни за что не догадался, что это медицинская академия. По моему мнению, здание больше походило на главное управление жандармерии или какое-то министерство. Даже окна «смотрели» холодно, безэмоционально, прямо как глаза человека, привыкшего никому не доверять и в каждом сомневаться.

— Приехали, Анатолий Ренатович, — сказал извозчик, когда остановил лошадей у крыльца и, соскочив со скамейки, открыл дверь кареты.

— Спасибо, Сережа. Ты, как всегда, выручил меня, — лекарь вылез первым, а я — сразу за ним.

Медицинская академия оказывала на меня какое-то гипнотическое воздействие. Я стоял перед этим поистине монументальным зданием и благоговел, как перед чем-то грандиозным и великим.

Я переводил взгляд с фасада на темные прямоугольники окон, на колонны с изящными узорами на самом верху, на фронтоны с барельефом, на каменные ступени, которые местами стерлись от огромного количества шагов, пройденных по ним, и не мог поверить, что когда-нибудь смогу считать это чуждое мне здание своим вторым домом.

— Подождать вас? — донесся до меня голос извозчика.

— Нет, езжай. Нам еще по городу прошвырнуться надо, — лекарь расплатился с ним и подошел ко мне. — Ну что, пошли?

— Да, — решительно кивнул я и первым двинулся к лестнице.

Оказавшись у тяжелых дверей с длинными ручками, я глубоко вздохнул, будто решался на что-то отчаянное, и потянул их на себя. В нос ударила прохлада, наполненная запахами чернил, старой бумаги и того специфично-лекарственного, что присуще всем больницам.

Я оказался в вестибюле с высоким потолком, который подпирали колонны. Свет расходился от арочных окон, расположенных по обе стороны от двери, и освещал все помещение, а также две лестницы, находящиеся по другую сторону. На стенах висели портреты и лепнина, вдоль них располагались часы с маятником и длинные жесткие скамьи из темного дерева, на которых сидели несколько парней и еле слышно переговаривались. При моем появлении они все повернулись и изучающе оглядели меня.

Внутри все было так же строго и величественно, как и снаружи. Каждый мой шаг по плитам из серого камня отдавался гулким эхом, от которого становилось как-то неловко.

— Пошли за мной. Нужно сходить в канцелярию и обо всем разузнать, — Анатолий Ренатович двинулся к левой лестнице.

Я последовал за ним, глаза по сторонам. Кроме портретов на стенах висели стенды со схемами, таблицами, списками и объявлениями, которые я с интересом прочел: «Выдача сти-

пендий в канцелярии декана 5 числа каждого месяца при предъявлении зачетной книжки»; «Напоминаем, что правилами внутреннего распорядка запрещено курение в коридорах и лабораториях»; «Посещение анатомического театра допускается только в форменной одежде и с разрешения дежурного ассистента или преподавателя»; «Требуется помощник в прозекторскую. Обязанности: подготовка препаратов, уборка, помощь при вскрытии. Жалованье — 12 рублей в месяц. Обращаться только студентам третьего и четвертого курсов к господину ассистенту Смирнову А. В.»; «Сдается комната в общежитии. Две койки, стол, отопление. Плата — 8 рублей в месяц. По всем вопросам обращаться к смотрителю общежития».

В это время кто-то справа, выходя из коридора, громко хлопнул дверью, отчего парни даже подскочили на месте. Похоже, волнение и напряжение чувствовал не я один. Судя по поведению, они тоже были поступающими.

— Первые два курса учатся одинаково, а начиная с третьего идет разделение, — сказал лекарь, когда мы стали подниматься по широкой деревянной лестнице с резными перилами. — Кто-то выбирает терапию и продолжает обучение только по этому направлению. Кто-то переходит на хирургию и анатомию или акушерство и гинекологию. Также есть судебная медицина. Какое направление тебе интересно?

— Не знаю, — пожал я плечами. — Сначала надо поступить и доучиться до третьего курса, а там уж видно будет.

— И то верно. Кстати, я слышал, что психиатрию тоже хотят отдельно преподавать, но не знаю, внедрили это или еще нет.

Мы поднялись на второй этаж и двинулись по длинному коридору. На этот раз мы шли почти бесшумно, ведь шаги заглушал длинный красный ковер с проплешинами посередине.

По обе стороны коридора располагались двери, на которых висели таблички с номером аудитории. Одна из дверей была открыта, поэтому я не удержался и заглянул внутрь. Это был большой зал. Справа находился невысокий помост, на котором стояли массивный письменный стол и стул. За ним на стене висела черная доска, исписанная мелом. Парты располагались амфитеатром, чтобы все, даже на самой дальней парте, слышали лектора. Надеюсь, я тоже когда-нибудь окажусь в этом помещении и буду с большим вниманием слушать преподавателя.

— Степа, ты чего там? — Анатолий Ренатович остановился и обернулся в поисках меня.

— Иду! — я торопливо подошел к нему, но лекарь не двинулся с места и указал на одну из дверей. На ней большими позолоченными буквами было написано: «Канцелярия».

— Пришли. Теперь станет ясно, опоздал ты или нет.

Глава 2

Рачков Родион Петрович сидел на корточках, привалившись спиной к каменной кладке подвала. Время тянулось мучительно долго, а ему так никто ничего и не объяснил. Первое время он стучал по двери и требовал встречи с архимонахом, но вскоре понял, что все бессмысленно — его никто не слышит. Охранники заперли его и поднялись наверх, а из подвала в дом не мог пройти ни один звук, ведь он находился не просто в подвале дома, а в самой настоящей темнице, где держали и мучили неугодных еще несколько десятилетий назад.

За это время в его голове пронеслось не меньше сотни предположений, что могло произойти, но ни одно из них его не устраивало. Наемник не мог понять главного — почему охранники и сам архимонах думают, что он может причинить вред Прокопию? Возможно, кто-то настроил против него главу «Лика Истинного», но кто, если они тщательно скрывали от других даже то, что знакомы друг с другом?

А, может, архимонах узнал, что Устинов жив, и именно поэтому решил, что Рачков пошел против него? Или Устинов здесь вообще ни при чем, и вылезли старые грешки? В общем, Рачков понял, что нет смысла гадать и лучше дожидаться, когда к нему придут. Не будут же они до самой смерти его здесь держать... или будут?

От страха у Рачкова защемило сердце. Если бы он только знал, в чем провинился и кто настроил архимонаха против него, то смог бы что-нибудь придумать и выкрутиться, теперь же он был просто безоружен и не знал, что говорить и как себя вести.

Наемник поднялся на ноги и принялся прохаживаться по небольшому помещению, где пахло сыростью, мышиным пометом и прелой землей. Во рту пересохло, хотелось есть, но к нему никто не спускался.

Когда Рачков от безысходности решил снова биться о дверь и просить встречи с архимонахом, издали послышался скрип. Это был скрип той самой двери, которую отперли, прежде чем спустить его сюда.

Наемник разволновался. С одной стороны, он был рад, что к нему кто-то идет. Но, с другой стороны, он не знал, что от этого ожидать.

Родион Петрович отошел от двери и вжался спиной в стену, когда услышал шаги. К его темнице приближались несколько человек.

Скрежет засова, и дверь распахнулась. Яркий свет на мгновение ослепил наемника. Тот сильно зажмурился, а когда снова приоткрыл глаза, то увидел, что в помещение зашли пятеро мужчин — те самые охранники, что стояли у ворот.

— Позвольте узнать, по какой причине меня задержали? — подал голос Рачков, стараясь храбриться и не показывать, как на самом деле он боится этих людей.

— Ты пришел убить его святость? — спросил главный охранник и приблизил масляный фонарь к его лицу.

Рачков отпрянул от жара, что исходил от лампы, и еще сильнее вжался в спиной в стену.

— Нет! Что это за бред? — взвизгнул он, почувствовав, как сердце гулко свалилось в пятки.

К такому повороту событий он точно не был готов. Убить архимонаха? Как такое могло в голову прийти? И, главное, кто мог такое придумать? Сам архимонах, или его кто-то надоумил?

— Бред, говоришь. Ну-ну, — усмехнулся охранник и вдруг с силой ударил наемника свободной рукой в живот.

Рачков совсем не ожидал удара, продолжая опасаться лампы, которая находилась в неприятной близости от его лица, поэтому резко согнулся и задохнулся. Ему показалось, что все его нутро разорвалось от боли и весь кислород в одночасье покинул легкие. Перед глазами все померкло, и голоса начали слышаться издали, будто он провалился куда-то.

— Отвечай, гнида, за что ты хотел убить нашего архимонаха Прокопия?! — заорал ему в ухо охранник и, схватив за грудки, с силой встряхнул так, что Рачков ударился затылком о каменную стену.

Наемник силился что-то сказать, оправдаться, но до сих пор не мог вдохнуть и беззвучно открывал рот. Охранник же подумал, что наемник не намерен раскрывать правду, и продолжил избиения.

— Ты мне все расскажешь. Я из тебя всю душу выну! — нанося побои, прокричал он и швырнул тщедушного мужичка в угол.

Тот полетел как безвольная кукла и рухнул на подгнившую солому.

— Я не виноват... Я ничего не сделал, — едва совладав с собой, жалобно ответил Рачков и весь сжался, ожидая новой порции ударов.

Охранник, явно наслаждавшийся беспомощностью своей жертвы, неспешно подошел к нему и ударом ноги перевернул наемника на спину, после чего встал сапогом тому на горло.

— Ты обманул меня и назвался Филиппом. Зачем ты это сделал, если не намеревался убить архимонаха?

— Меня преследуют. Я боялся, что и здесь найдут, — прохрипел Рачков, испуганно глядя на мучителя и, схватившись за его сапог двумя руками, пытаясь хоть немного приподнять ногу, чтобы не задохнуться.

— Ты врешь, — охранник презрительно скривил губы. — Признайся, что хотел убить его святость. Тебе все равно не спастись.

— Нет, я ничего такого не хотел. Я пришел доложить про Устинова.

Рачков чувствовал, что теряет сознание. Его лицо распухло и покраснелось, пульс стучал в ушах, воздуха катастрофически не хватало, но он понимал одно — надо говорить правду. Только так у него появится хотя бы малейшая возможность спастись. Как только он скажет то, что от него требует охранник, они его тут же убьют.

— Кто такой этот Устинов и что ты хотел о нем доложить? — охранник убрал сапог и чуть склонился над наемником, освещая его лицо лампой.

— Об этом я могу сказать лишь архимонаху, — закашлявшись, ответил Рачков. — Это наши с ним дела, и никого больше они не касаются.

Наемник понимал, что рискует, так дерзко разговаривая с главным охранником, но также ему было ясно, что только сам архимонах может спасти его. В противном случае Рачков просто умрет в этом подвале.

Видя замешательство охранника, Родион Петрович приподнялся на локтях и продолжил:

— Дайте мне хотя бы поговорить с его святостью. Пусть он узнает обо всем, а потом... Потом можете делать со мной все, что захотите.

Главный охранник выпрямился и вопросительно уставился на своих людей. Им был дан приказ выбить из Рачкова правду, но какую именно правду они должны были узнать, не уточнили.

— Володя, сходи наверх и доложи его святости, что Рачков обладает информацией про какого-то Устинова.

— Сделаю, — кивнул молодой коренастый мужчина и вышел за дверь.

Главный охранник же будто потерял интерес к Рачкову. Он подошел к своим людям и начал вполголоса с ними переговариваться. Родион Петрович был рад этому затишью, поэтому сел, опираясь о стену, и глубоко задышал. Его не смущали ни сгнившая солома, ни мышиная нора, из которой смердело. Он молился лишь об одном — чтобы архимонах спас его от своих же людей.

Охранник Володя отсутствовал не больше пяти минут, которые показались наемнику вечностью. Когда он вернулся, Рачков с такой надеждой уставился на него, будто от слов этого человека зависела его жизнь. В принципе, так и было.

— Его святость велел привести его в свой кабинет, но со связанными руками, — чеканя каждое слово, доложил охранник своему патрону.

— Хорошо. Вяжите ему руки, — велел главный охранник.

Двое мужчин грубо подняли Рачкова на ноги и, заломив руки назад, связали крепкой веревкой. Наемник не сопротивлялся, ведь только так он мог спастись.

— Опусти голову и шагай, — подтолкнули его сзади в спину.

Он бодро зашагал к двери, не взирая на боль, разливающуюся по телу, и шум в голове.

Поднявшись из сырого подвала в дом, он почувствовал себя немного лучше, будто вернулся из преисподней.

Архимонах Прокопий Рязанов сидел в своем кресле за письменным столом и держал руки на коленях, в которых сжимал револьвер. Услышав про Устинова, он немного засомневался в своих суждениях. А что, если Рачков и вправду пришел доложить об Устинове и не собирался его убивать? Во всяком случае, прежде всего нужно спокойно выслушать наемника, а потом уже решать его судьбу.

Когда в дверь кабинета постучали, он напрягся и, откашлявшись, ответил:

— Заходите!

Сначала на пороге появился глава его охраны — Зураб. Он вопросительно взглянул на архимонаха, ожидая ответа. Прокопий кивнул и продолжительно выдохнул, собираясь с силами. Он знал, на что способен Рачков, и очень его боялся.

Двое охранников завели Рачкова в кабинет и ударом по голени поставили на колени.

— Говори, — велел архимонах, вложив в свой голос силу, чтобы не показать своего истинного отношения к наемнику, который однажды по его заказу убил человека хорошо наточенным ножичком для писем. Как писали газеты, на найденном в лесу трупe насчитывалось больше ста ран, были выколоты глаза и отрезан язык.

— Ваша святость, я прошу прощения, если чем-то обидел или оскорбил вас, — начал Рачков, не осмеливаясь поднять взгляд на грозного главу «Лика Истинного». — Я вынужден был поменять образ и назваться другим именем, потому что меня преследовали. Только вчера я прибыл из поездки и намеревался зайти в Великое Святилище, но прямо у двери меня атаковали. Еле унес ноги.

Архимонах понимал, о чем говорит Родион Петрович, ведь именно он велел охранникам ждать Рачкова у Святилища и как можно более подробно описал его внешность, чтобы те не ошиблись. И вчера ему доложили, что Рачков был, но смог улизнуть.

— Говори, — поторопил он наемника, который замер, ожидая, что будет дальше.

— Переночевал в арендованном доме, а утром приехал сюда, чтобы рассказать вам о своих приключениях и отчитаться о проделанной работе. Я боялся, что на меня снова нападут, поэтому замаскировался под Филиппа. Мы с ним одной комплекции и немного похожи.

Архимонах с облегчением выдохнул. Пока все, что говорил наемник, было правдой.

— Ты упоминал Устинова. Что с ним? Ты сделал то, что должен был сделать?

Рачков поднял голову и в первый раз за весь разговор посмотрел на Прокопия. Тот осунулся, похудел и постарел. С ним явно что-то творилось. Но что? Неужели серьезно болен?

— Ваша святость, я могу разглашать подробности этого дела при свидетелях? — еле слышно уточнил он и покосился на охранников.

Рязанов очень не хотел, чтобы кто-то кроме очень узкого круга людей знал, к каким методам он иногда прибегал для того, чтобы сделать «Лик Истинного» религией, которую все учтут и уважают, поэтому мотнул головой и проговорил, обращаясь к охранникам:

— Оставьте нас наедине.

— Ваша святость... — начал было Зураб, но архимонах поднял руку. Тот замолчал и, сделав знак своим людям, первым вышел из кабинета. Остальные последовали его примеру.

— Говори, — велел Прокопий, когда они остались вдвоем с Рачковым.

— Мне не удалось расправиться с Устиновым, — начал наемник и рассказал все, что происходило с того самого момента, как он увидел знахаря на носилках в Тюмени.

Прокопий Рязанов не задал ни одного вопроса, внимательно слушая Рачкова. И только когда наемник дошел до момента, когда вернулся в Москву, крикнул в сторону двери:

— Заходите!

В дверях в ту же секунду появился Зураб, который первым делом оценил обстановку, с облегчением выдохнул и подошел к задержанному.

— Увести?

— Нет, развяжите. Он свободен.

— Как это? Он ведь покушался на вас, — глаза главы охраны округлились. Он сразу напрягся, думая, будто наемник ввел в заблуждение его хозяина.

— Он не покушался. Это я его неверно понял, — устало вздохнув, пояснил архимонах.

Зурабу ничего не оставалось, кроме как подчиниться. Размотав веревку, стягивающую руки Рачкова, он рывком поставил его на ноги и вновь вопросительно посмотрел на Прокопия, ожидая приказаний.

Рачков тоже не знал, чего ожидать, поэтому все еще был напряжен, хотя уже понимал, что сегодня его не убьют.

— Доделай начатое, а за недопонимание я добавлю сверху такую же сумму, какую уже перевел на твой счет. Как дело будет сделано — придешь и доложишь, но на этот раз без маскировок, — сказал архимонах, обращаясь к Рачкову.

— Понял. Спасибо, — кивнул тот в ответ.

На этот раз он почувствовал, как камень, давящий сверху, упал, и жизнь снова обрела яркие краски и приятные запахи.

— Проводите Родиона Петровича до ворот, а ты, Зураб, останься, — продолжил Прокопий.

Охранники вместе с Рачковым вышли, а глава охраны плотно закрыл за ними дверь и приблизился к письменному столу.

— Что прикажете? — понизив голос, уточнил он. — Снять часть охраны?

— Нет, пусть остаются. Но Рачков не должен больше застать нас врасплох. Будьте бдительны.

— Почему мы не можем сразу его убрать? Зачем отпускать того, кто представляет опасность?

— Мы обязательно от него избавимся, но позже. Пока он мне нужен — будет жить.

— Ясно. Могу идти?

— Иди.

Когда Зураб вышел из кабинета, Прокопий устало вздохнул и повернулся к окну, в котором виднелись охранник и Рачков, направляющиеся в сторону ворот.

— Принесите ужин и вина! — крикнул он, ведь впервые за долгое время у него появился аппетит.

Все, о чем он думал в последние дни, оказалось его собственной фантазией. Рачков не пытался его убить. Однако сама мысль о том, что кто-то другой может нанять этого кровавого убийцу была ужасающей. Вся эта ситуация показала насколько опасен Рачков, которого могут также нанять враги “Лица Истинного”. Он совсем не верноподданный, а всего лишь убийца, который будет работать на того, кто заплатит, и в следующий раз может заявиться с оружием и убить его — главу ордена «Лик Истинного». Этого допускать нельзя, поэтому сразу после смерти Устинова будет убит он.

Анатолий Ренатович первым зашел в помещение канцелярии медицинской академии. Сначала мне показалось, что мы попали в какую-то кладовую, но, осмотревшись повнимательнее, понял, что канцелярия была завалена горами документов. Журналами, папками и книгами были забиты все четыре книжных шкафа. Стопками прямо на полу стояли перетянутые бечевкой документы. На подоконнике единственного окна тоже высились папки.

— Лариса Павловна, здравствуйте, — подал голос лекарь и поспешил к столу, за которым сидела женщина средних лет и быстро писала пером.

— А-а-а, Анатолий Ренатович, рада вас видеть, — женщина привстала и протянула руку, которую лекарь сначала легонько пожал, а затем чмокнул.

— Вы, как всегда, выглядите просто прекрасно, — продолжал лекарь, и он не врал.

Женщине было лет сорок пять, и возрастные изменения отразились на лице, но все равно она была очень даже миловидная, с большими миндалевидными глазами и пухлыми губками бантиком.

— Совсем засмущали меня, — кокетливо ответила она и посмотрела на меня. — Каким судьбами? Неужели у вас есть еще один сын?

— Не сын, а племянник, — соврал лекарь, не моргнув глазом. — Хочет продолжать лекарскую династию.

— Это верно. Мы такое поддерживаем, — кивнула она, оценивающе оглядывая меня с ног до головы.

— Лариса Павловна, надеюсь, мы не опоздали с документами? — с заметным волнением в голосе уточнил лекарь.

— Нет, но сегодня — последний день приема. Завтра уже первый экзамен.

Мы с Анатолием Ренатовичем переглянулись. Он слегка улыбнулся и с облегчением выдохнул.

— Ну, тогда примите документы вашего будущего студента — Степана Устинова.

— Студента? — усмехнулась она. — Сначала нужно поступить. В этом году ужесточили экзамены.

— Поступит. В этом можете не сомневаться, — уверенно ответил лекарь.

У меня невольно сжалось сердце. Точно так же всегда во мне был уверен мой отец, и я его никогда не подводил. И в этот раз не подведу человека, который поверил в меня, и стану студентом этой академии.

Глава 3

К счастью, я успел подать документы на поступление: заполнил заявление и анкету, получил бланк с перечнем экзаменов, а также узнал, что иногородним предоставляют общежитие, находящееся через дорогу от академии. Меня это очень порадовало, ведь я не собирался и дальше стеснять Анатолия Ренатовича и его жену. Они добрые и открытые люди, и я бы с радостью продолжал общаться с ними, но все-таки хочу жить самостоятельной жизнью и не зависеть ни от кого.

— Значит, завтра у тебя арифметика. Как думаешь, сможешь решить задания? — лекарь с сомнением посмотрел на меня.

Мы только что вышли из академии и двигались по широкой переходной улице мимо лавок и торговых рядов.

— Постараюсь, — пожал я плечами.

В моем прошлом мире все было направлено на магию, поэтому развитие в технологиях, механике и остальных областях сильно затормозилось. Я умел считать деньги, вычислять соотношения и доли, и этого мне было достаточно для жизни, но здесь, в этом мире, наука пошла далеко вперед, и многого я не знал. Благодаря Сергею, который быстро понял, что простые задачки я щелкаю как орешки, мы сразу перешли на сложные задания. Мне приходилось нелегко, я часто падал духом, думая, что не способен понять такие трудные задачи, но он не отступал и раз за разом объяснял. Понемногу я начал соотносить теорию с практикой, и вскоре каждая новая тема перестала вызывать у меня сложности в понимании. Я почти дошел до конца того учебника, который подарил мне Сергей, осталось буквально пять тем, которым посвящу сегодняшний вечер.

— С арифметикой и литературой я тебе не смогу помочь, — извиняющимся тоном сказал лекарь. — Сам уже все позабыл.

— Не волнуйтесь. Кое-какие знания у меня имеются. Как-нибудь выкручусь.

— Тебе главное не провалить экзамен, а потом на естественных науках поднакопишь недостающие баллы... Давай зайдем сюда? — он указал на лавку с вычурной вывеской «Золотое перо». Он подошел к двери и хотел открыть, но она не поддавалась. — Закрыто еще. Подождем.

Я подошел к стеклянной витрине и заглянул внутрь. Первое, что увидел — резную подставку из красного дерева, на которой стояли серебряные письменные принадлежности: чернильница, пресс-папье, лоток с перьями. Рядом лежал такой же набор, но выглядел он гораздо дороже, ведь был выполнен из фарфора с позолотой и с разноцветными камнями.

— Ты только глянь, какая прелесть. Верочке такое точно понравится, — лекарь встал рядом со мной и указал на ряд чернильниц, сделанных в виде миниатюрных фигур: стеклянные дворцы с серебряной окантовкой, фарфоровые колонны с узорами и вазы с эмалевыми вставками.

Кроме этого на полках, стоящих у витрины, лежали наборы перьев в красивых футлярах, ножи для вскрытия писем с рукоятками, украшенными камнями, пачки плотной бумаги и почтовые конверты с гербом, бронзовые подставки для перьев, печати и сургучные принадлежности.

— Здесь и тебе можно будет прикупить для учебы все необходимое, — лекарь указал на набор под названием «студенческий». — Правда, здесь довольно дорого, но я тебе помогу.

— Не надо. У меня есть деньги.

— Никогда не отказывайся, когда тебе хотят помочь от чистого сердца, — нравоучительно сказал он. — А вот когда поступишь, держи ухо востро. Среди студентов большая конкуренция. Каждый хочет понравиться преподавателю, чтобы иметь преимущества.

— Какие преимущества у таких студентов? — заинтересовался я.

— Практика в престижных больницах, доступ к редким клиническим случаям, обширная библиотека, протекция при трудоустройстве. К тому же выдающихся студентов всегда приглашают на различные мероприятия. И я говорю не только о тех мероприятиях, которые имеют отношение к медицине. Это может быть, например, день рождения преподавателя, где соберутся влиятельные гости и где можно завести полезные знакомства. Или тебе могут достать билет на какое-нибудь мероприятие, куда вход только очень узкий круг людей. В общем, в медицине, как и в любой другой сфере, лучше быть с теми, кто наверху. А у тебя к этому есть все предпосылки. Как только о тебе узнают, каждый захочет быть с тобой на короткой ноге. Одни — для того, чтобы перетянуть на себя часть твоей славы. Другие — чтобы иметь под рукой человека, который способен фактически творить чудеса. Третьи — чтобы навредить тебе, ведь многие будут завидовать. Ты еще молод, но уже сейчас тебе нужно отличать одних от других и от третьих.

Я внимательно слушал Анатолия Ренатовича, который видел во мне совсем юнца, но я таким не был. То, что он говорил, было и в моем мире. Рядом с богатыми и влиятельными людьми всегда есть свита, которая «кормится» благодаря им. Но часто бывает так, что свита разбегается, как тараканы при резком свете, когда тот, кто должен был тянуть их за собой, отступает. Вот тогда-то и срываются маски.

В это время послышался щелчок, и дверь лавки приоткрылась. Одновременно с этим до нас донесся мелодичный звон колокольчиков.

Мы зашли в лавку. Нас сразу же окутал запах чернил, бумаги, сургуча и дерева. За прилавком стоял пожилой мужчина в белоснежной рубашке, черных нарукавниках и в таком же переднике. Он доброжелательно улыбнулся.

— Приветствую вас, господа. Чего изволите?

— Помогите нам подобрать подарок хорошему другу, — Анатолий Ренатович подошел к прилавку, а я двинулся вдоль стеллажей.

Как оказалось, здесь продают не только письменные принадлежности, но и ученические сумки, альбомы для рисования, краски, глину для лепки и многое другое.

Я вдруг словил себя на мысли, что уже присматриваю то, что мне может пригодиться, но ведь сейчас это делать еще довольно рано — я пока не поступил и даже первый экзамен не сдал. Если в арифметике кое-что уже понимал, то с литературой вообще беда — не успел прочесть ни одного произведения из тех, что советовала Полина. Если завтра не провалю экзамен, то применю все свои знания в магии, чтобы подготовиться к экзамену по литературе, иначе именно на ней могу споткнуться.

Я прошелся по лавке и вернулся к прилавку, где Анатолий Ренатович уже расплачивался за упаковку плотной белой бумаги, фарфоровые чернильницы и набор перьев в деревянной коробке.

— Это что такое? — указал я на синюю бархатную подушку, на которой лежали изящные серебряные цветы, раскрашенные блестящей эмалью.

— Броши, — ответил торговец, снял подушечку с полки и положил передо мной. — Моя дочь настаивает на том, чтобы мы увеличили ассортимент. И почему-то придумала, что здесь могут неплохо продаваться такие вещицы. Не знаю, что из этого получится, — пожал он плечами.

— Кто делает такие красивые вещи? — я наклонился, изучая каждый цветок, который был так искусно сделан, что выглядел почти живым.

— Молодой ювелир на Никитской. На ярмарке его встретили. Даже вазу у него купили — хороший мастер.

— Я возьму вот эти две броши, — указал я на фиалку и розу.

— Хороший выбор, — оценил торговец, аккуратно снял броши с подушечки, переложил в мешочек и, получив деньги, отдал мне.

— Девушке хочешь подарить? — лукаво улыбнулся лекарь, когда мы вышли из лавки и двинулись к продуктовым торговым рядам, со стороны которых аппетитно пахло копченой рыбой и свежим хлебом.

— Одну — Полине. С ней мы знакомы еще с Иркутска. А вторую — Вере. Должен же я как-то отблагодарить ее за доброту и вкусную еду.

— Верочке понравится, — с довольным видом кивнул лекарь.

Мы зашли в винный отдел, где лекарь купил красное сладкое вино, после чего пошли на поиски ближайшей телеграфной станции. Во-первых, я хотел оповестить Илью, Семена, Андрея и капитана Илью Петровича о том, что благополучно добрался до Москвы. А во-вторых — узнать у Базарова, где сейчас Полина и Сергей.

Станция нашлась быстро. Все местные знали, где она находится. Я попросил разрешения указать адрес Анатолия Ренатовича для ответов, на что он сразу согласился. Всем написал примерно одно и то же: «Прибыл в Москву. Здоров. Завтра начинаются экзамены» и подпись. Только у Базарова еще спросил, как найти его дочь и племянника.

— Может, пообедаем? — предложил я, когда мы с Анатолием Ренатовичем вышли из телеграфной станции и до моего нюха донесся аппетитный запах жареного мяса из ближайшего трактира.

— Ни за что! Уверен, Вера наготовила всякого и ждет не дождется, когда мы вернемся, чтобы накормить нас до отвала.

Я не стал спорить, поэтому мы купили сладких булочек и поехали в деревню.

Родион Петрович зашел в свою квартиру, запер дверь на все три замка, опустился на банкетку, на которой обычно обувался, и в голос зарыдал. Из него хлынули все те эмоции, что накопились за последнее время: гнев, раздражение, недовольство и страх. Его жизнь перевернулась с ног на голову, чего он совсем не ожидал.

Вдруг слезы превратились в громкий хохот. Рачков буквально согнулся от смеха и сполз на пол. Если бы его в этот момент кто-нибудь увидел, то решил бы, что наемник свихнулся. Немного успокоившись, он снял ботинки, прихватил свой чемодан и двинулся в спальню. Теперь, когда эмоции поутихли, в работу включился его расчетливый мозг.

Первое, что ему нужно сделать — убить Устинова. Теперь это дело чести, а не просто заказ. Второе — наказать архимонаха, который так отвратительно поступил с ним. А ведь Рачков был уверен, что Прокопий его никогда не предаст, а оно вон как обернулось — стал его мучителем. Прокопий, которого он считал одним из ближайших людей, тем, кому безоговорочно доверял — теперь его враг. Рачков с улыбкой на лице продумывал план страшной мести для своего бывшего заказчика. После того, что произошло в подвале дома, он решил, что будет убивать медленно, чтобы вдоволь насладиться зрелищем. В ход пойдут гвозди, раскаленное железо, острый кинжал и дубина.

Намыливаясь под горячими струями душа, он очень подробно представлял, как заклеит архимонаха, как выбьет ему все суставы, как будет вгонять длинные гвозди в его тело, как будет срезать куски мяса, и только когда Прокопий совсем перестанет что-либо понимать и чувствовать, убьет. Какая же сладкая месть.

Как и говорил Анатолий Ренатович, Вера ждала нас за накрытым столом.

— Ну что? Рассказывайте, — Вера поставила перед нами фарфоровые тарелки с горячим наваристым супом.

— Все хорошо, Верочка. Успели подать документы. Завтра экзамен по арифметике, — ответил лекарь, нарезаая хлеб.

— Уже экзамен, — она с тревогой посмотрела на меня. — Волнуешься, небось.

— Есть немного, — кивнул я и не соврал.

Я не могу быть уверен, что сдам, пока не увижу задания. Возможно, мне попадется то, что не успел изучить.

— Ты, главное, успокойся и хорошенько подумай, не спеши, — посоветовала она. — Я тебе свой амулет дам. Он мне всегда помогал в тяжелом деле.

Женщина сняла с шеи цепочку с медальоном и протянула мне. Я сначала хотел отказаться, но встретился с пристальным взглядом Анатолия Ренатовича и вспомнил его слова о том, что не надо отказываться, если человек хочет помочь от чистого сердца.

— Спасибо, — я забрал медальон. — Теперь меньше волнуюсь.

— В нагрудный карман завтра не забудь положить, — Вера села напротив и подвинула ко мне блюдо с тонко нарезанным мясным рулетом.

— Положу, — кивнул я и потянулся к рюкзаку. — Я вам тоже кое-что купил. Надеюсь, что понравится.

Вытащил из бокового кармана мешочек с брошкой, которую отложил для нее — ту, что с розой. Увидев подарок, женщина расплылась в счастливой улыбке.

— Какая прелесть, — она нацепила брошь на грудь и поспешила к зеркалу. — Какая красота! Спасибо, Степа. Я совсем не ожидала.

Я улыбнулся в ответ, взял ложку и приступил к обеду.

Чай мы решили попить в гостях у того академика, про которого говорил Анатолий Ренатович. Вера вынесла из кладовки две банки варенья и положила их в корзину. Туда же лекарь засунул бутылку вина, обернутую в вафельное полотенце, упаковку бумаги и набор перьев для письма.

Втроем мы вышли за калитку и двинулись вглубь деревни. По пути каждый встречный здоровался с лекарем и его женой. Кто-то издали махал рукой, кто-то стучал в окно. Лекаря здесь любят и уважают.

— Куда мы идем? — спросил я, когда мы прошли через всю деревню и двинулись по широкой проселочной дороге в сторону леса.

— Яров построил себе дом в хорошем месте, на возвышенности. С одной стороны — лес, с другой — река. Вид оттуда шикарный, — ответила Вера.

— Что он за человек?

— Хороший человек, совестливый. С такими можно хоть в разведку, — подал голос лекарь, который сорвал ветку березы и отмахивался от мошкеры, которая назойливо лезла в лицо. — Хочу вас познакомить. Уверен, вы друг другу понравитесь. К тому же Гоша не последний человек в медицине.

Мы свернули на повороте, и вдали показались высокие кованые ворота, а за ними виднелся двухэтажный дом. Ну что ж, пора обзаводиться знакомствами.

Академик Георгий Яров сидел в кресле-качалке и вдумчиво читал зарубежный медицинский журнал, в котором описывались последние эксперименты и открытия. Даже в отставке он «держал руку на пульсе» и не хотел «вылетать из обоймы». Медицине он посвятил всю свою жизнь с самого раннего детства, ведь был потомственным лекарем.

Он перевернул очередную страницу, когда услышал скрип ворот, которые никогда не запирали. Гости пожаловали. Но кто? Мелехин пришел мириться?

Георгий отложил журнал на стол, поднялся с кресла, но не успел сойти с крыльца, как увидел сначала знакомую женскую фигуру, сразу за ней — щуплого лекаря с молодым парнем, которого принял за сына лекаря.

— Какие гости! — радостно всплеснул он руками, торопливо спустился по ступеням и поспешил навстречу. — Добро пожаловать! Давно вас не видел, даже соскучился.

— Здравствуй, Гоша, — Вера обняла его и даже поцеловала в щеку.

Лекарь крепко пожал руку и отдал корзину.

— Мы не с пустыми руками, а с гостинцами.

— Вот спасибо, — академик заглянул в корзину. — Как раз думал съездить за вином. Вы же мысли мои прочли.

Он уже ринулся обнять юношу, но остановился и недоуменно уставился на него. Это явно не сын Анатолия Ренатовича.

— Георгий Захарович, — сказал лекарь, заметив удивленный взгляд Ярова. — Хочу представить тебе моего друга Степана Устинова.

Академик еще сильнее вытаращился, не реагируя на руку, протянутую юношей.

— Здравствуйте. Рад познакомиться, — молодой человек перевел вопросительный взгляд на лекаря.

— Гоша, с тобой все хорошо? — вполголоса спросил Анатолий Ренатович и взял его за руку, желая прощупать пульс. — Неужто сердце прихватило?

— Ничего у меня не прихватило, — будто очнулся Яров и пожал руку юноши. — Очень рад, Степан. Просто я кое-что узнал о вас и совсем не ожидал встретить лично.

— Что же вы узнали? — напрягся Устинов.

— Только хорошее, — быстро ответил Яров и улыбнулся, продолжая с интересом рассматривать его. — Прошу, проходите. Правда, я гостей не ждал и угощать вас особо нечем, но кухарка чего-нибудь на быструю руку сготовит.

Георгий не сомневался, что этот тот самый Степан Устинов, про которого говорил профессор Мелехин и за которого просил капитан. Но никак не ожидал, что он окажется именно таким. В его мыслях Степан был старше, выше, плечистее и в целом мощнее, но перед ним стоял худощавый юноша, у которого только начали пробиваться темные усики.

Кухарка пообещала накрыть на стол через полчаса, а пока он пригласил гостей на свою террасу, где стоял горячий самовар.

— Гоша, ты же понимаешь, что мы не просто так пожаловали к тебе со Степой, — начал издали лекарь.

— Понимаю. Как я знаю, Степан намерен поступать в медицинскую академию, — он повернулся к юноше, который снова настороженно посмотрел на него. Ему явно не понравилось, что кто-то столько про него знает. — Совсем недавно я получил послание от своего давнего друга Ильи, который написал сначала телеграмму, а потом целое письмо о том, что происходило на «Графине» в последнем рейсе. Признаться, я был поражен тому, что узнал о вас, Степан.

— Погоди, ты еще меня не слышал, — усмехнулся лекарь и поведал о происшествии на поезде. О том, как Устинов утихомирил девочку, как расправился с бандитами и как лечил людей.

Яров внимательно выслушал, изредка уточняя детали, а потом повернулся к Степану и спросил:

— Ты хочешь поступить в академию, чтобы получить разрешение на лекарскую деятельность?

— Не только ради этого. Как духогляд я вижу болезни, но бывает так, что я понятия не имею, как их лечить, и уходит много драгоценного времени на подбор соответствующих рун. Я хочу знать все про человеческое тело. Хочу научиться определять болезни и знать причину их

возникновения. Хочу прежде всего стать лекарем, который может лечить не только настойками и процедурами, а кроме всего прочего — своими магическими способностями.

Юноша говорил с таким жаром и с таким огнем в глазах, что Яров ни на секунду не засомневался, помогать ему или нет. Точно да! Но была одна загвоздка — профессор Мелехин, который намеренно включился в прием экзаменов, чтобы не допустить знахаря в академию.

— Ну что, Гоша, поможешь ты нашему Степе? — Вера с надеждой посмотрела на него.

— Сделаю все, что от меня зависит, но вы должны понимать, что прошло уже несколько лет с тех пор, как я отошел от дел. Люди поменялись. Кого-то уже на свете нет, поэтому я не могу ничего гарантировать.

Говорить о Мелехине и его отношении к Степану он не стал, но решил про себя, что завтра же наведается к профессору домой и попробует еще раз его вразумить. Он возьмет с собой письмо от капитана, а также перескажет то, что узнал от лекаря. Что-то же должно сработать на упертого барана.

Вскоре кухарка вынесла поднос с еще горячими оладушками, творог со сметаной и клюквенный кисель. Яров все внимание уделял только Степану, закидывая вопросами. Ему было интересно абсолютно все: кем были родители знахаря, как они умерли, как прошло детство, какие отношения были с наставником, как он открыл в себе дар духогляда и кто научил его владеть магическими знаками. Если на вопросы о семье и своем наставнике Степан отвечал охотно, то о своем даре говорил скупко. Георгий прекрасно понимал, почему, ведь гонения магов до сих пор продолжают, хоть и не так неистово, как было несколько десятилетий назад.

— Нам пора, — сказала Вера и первая поднялась с места. — Степе еще готовиться. Завтра утром экзамен. Гоша, мы на тебя надеемся. Ты уж проконтролируй, чтобы хотя бы было все по-честному. Чтобы никто не задвинул Степу, пропихивая своего сынка или чье-то заплаченное чудо.

— О чем ты говоришь? Экзамены честные, — попытался изобразить возмущение Яров.

— Ага, знаю я ваши честные экзамены, — усмехнулась она. — Вон, сыновья у Самохиных — яркое подтверждение. Когда старший поступал, то читал по слогам и писал с ошибками, а его все равно пропихнули. Я уже не говорю о его братьях, которые с трудом школу окончили, но вместе с нашими детьми учились в академии и так же дипломы получили. Да к ним страшно на прием ходить: живым был — ногами вперед вынесут, — возмутилась женщина.

— Права ты, Верочка, — поддержал ее лекарь. — Гоша, мы просто хотим справедливости.

— Будет вам справедливость. Я обещаю, — решительно кивнул Яров и посмотрел на Степана.

Теперь, когда они познакомились поближе, первое впечатление улетучилось. Яров видел перед собой не юнца, а уверенного в себе, спокойного и рассудительного молодого мужчину с невероятно серьезными и честными глазами. К тому же от него исходила такая мощная магическая аура, какую Георгий давно не встречал. Когда-то и его род владел магией, но они сумели заглушить в себе природный дар, чтобы выжить. А этот юноша не собирался этого делать, что тоже вызывало уважение.

Проводив гостей до ворот, Яров смотрел им вслед, пока те не скрылись за поворотом. После этого он вернулся в свое кресло и снова взял в руки журнал, но никак не мог понять то, что читает, ведь мыслями все равно возвращался к Устинову. В конце концов он не выдержал и крикнул конюху, чтобы тот выводил лошадей и запрягал в карету.

— Поеду к Мелехину, — сказал он кухарке, спускаясь с крыльца. — К ужину не жди.